

нѣ вовсе не съ самоотверженною цѣлью поддерживать необходимый для блага людей порядокъ жизни, а для себя: для своей корысти, славолюбія, честолюбія, своей лѣни, трусости. Если-бы ты нежелалъ этого положенія, ты не дѣлалъ бы всего того, что постоянно нужно дѣлать, чтобы удерживать твое положеніе. Попробуй только перестать дѣлать тѣ сложныя, жестокия, коварныя и подлыя дѣла, которыя ты, не переставая, дѣлаешь, чтобы удерживать свое положеніе, и ты сейчасъ же лишишься его. Попробуй только перестать, будучи правителемъ или чиновникомъ, лгать, подличать, участвовать въ насиліяхъ, казняхъ; будучи священникомъ, перестать обманывать; будучи военнымъ, перестать убивать; будучи землевладѣльцемъ, фабрикантомъ, перестать защищать свою собственность судами и насиліями, и ты тотчасъ лишишься того положенія, которое, ты говоришь, навязано тебѣ и которымъ ты, будго бы, тяготишься.

Не можетъ быть того, чтобы человѣкъ былъ поставленъ противъ своей воли въ положеніе, противное его сознанию.

Если ты находишься въ этомъ положеніи, то не потому, что это необходимо для кого то, а только потому, что ты этого хочешь. И потому, зная, что это положеніе прямо противно и твоему сердцу, и твоему разуму, и твоей вѣрѣ, и даже наукѣ, въ которую ты вѣришь, нельзя не задуматься надъ вопросомъ о томъ, то ли ты дѣлаешь, что тебѣ должно дѣлать, если остаешься въ этомъ положеніи, и, главное, стараешься оправдать его?

Вѣдь можно бы было рисковать опшбиться, если бы ты имѣло время увидать и поправить свою ошибку, и если бы то, во имя чего ты такъ рискуешь, имѣло бы какую нибудь важность. Но когда ты знаешь навѣрное, что ты всякую секунду можешь исчезнуть безъ малѣйшей возможности ни для себя, ни для тѣхъ, кого ты вовлечешь въ свою ошибку, поправитъ ее, и знаешь кроме того, что, какъ бы ты ни сбѣжалъ во внѣшнемъ устройствѣ міра, все это очень скоро и такъ же навѣрно, какъ и ты самъ, исчезнетъ, не оставивъ слѣда, то очевидно, что не изъ за чего тебѣ рисковать такой страшной ошибкой.

Вѣдь, это такъ просто и ясно, если бы только мы лицемѣриемъ не затемняли себѣ несомнѣнно открытую намъ истину.

«Дѣлись тѣмъ, что у тебя есть, съ другими, не собирай богатствъ, не величайся, не грабь, не мучай, не убивай никого, не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали», сказано не 1800, а 5000 лѣтъ тому назадъ, и сомнѣнія въ истинѣ этого закона не могло бы быть, если бы не было лицемѣрія: нельзя бы было, если не дѣлать этого, то по крайней мѣрѣ не при-

знавать, что это всегда нужно дѣлать, и что тотъ, кто не дѣлаетъ этого, дѣлаетъ дурно.

Но ты говоришь, что есть еще общее благо, для котораго можно и должно отступить отъ этихъ правилъ: для общаго блага можно убивать, истязать, грабить. Лучше погибнуть одному человѣку, чѣмъ всему народу, говоришь ты, какъ Каиафа, и подписываешь одному и другому и третьему человѣку смертный приговоръ, заряжаешь ружье на этого, долженствующаго для блага общаго погибнуть человѣка, сажаяешь его въ тюрьму, отбираешь у него его имущество. Ты говоришь, что ты дѣлаешь эти жестокия дѣла потому, что ты чувствуешь себя человѣкомъ общества, государства, обязаннымъ служить ему и исполнять его законы, землевладѣльцемъ, судьей, императоромъ, военнымъ. Но, вѣдь, кромѣ твоей принадлежности къ извѣстному государству и вытекающихъ изъ того обязанностей, у тебя есть еще принадлежность къ безконечной жизни міра и къ Богу и вытекающая изъ этой принадлежности обязанности.

И какъ твои обязанности, вытекающія изъ твоей принадлежности къ извѣстной семьѣ, обществу,—всегда подчиняются высшимъ обязанностямъ, вытекающимъ изъ принадлежности къ государству, такъ и твои обязанности, вытекающія изъ твоей принадлежности къ государству, необходимо должны быть подчинены обязанностямъ, вытекающимъ изъ твоей принадлежности къ жизни міра, къ Богу.

И какъ неразумно было бы срубить телеграфные столбы для того, чтобы обезпечить оглошеніе семейства или общества и увеличить благосостояніе его, потому что это нарушитъ законы, соблюдающіе благо государства, точно такъ же неразумно для того, чтобы обезпечить государство и увеличить благосостояніе его, истязать, казнить, убить человѣка, потому что это нарушаетъ несомнѣнные законы, соблюдающіе благо міра.

Обязанности твои, вытекающія изъ твоей принадлежности къ государству, не могутъ не быть подчинены высшей вѣчной обязанности, вытекающей изъ твоей принадлежности къ безконечной жизни міра или къ Богу, и не могутъ противорѣчить имъ, какъ это и сказали 1800 лѣтъ тому назадъ ученики Христа: (Дѣян. Ап. IV, 19). — «Судите, справедливо ли слушать васъ больше, чѣмъ Бога» и (V, 29) «Должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ».

Тебя увѣряютъ, что для того, чтобы не нарушился вчера устроенный нѣсколькими людьми въ извѣстномъ уголкѣ міра постоянно измѣняющийся порядокъ, ты долженъ совершать поступки истязаній, мученій, убійствъ отдѣльныхъ людей, нарушающіе